

ОТ БОРЬБЫ ЗА ПРАВО К БОРЬБЕ ЗА СУВЕРЕНИТЕТ

Андрей Клишас*

DOI 10.24833/2073-8420-2018-3-48-11-

Введение. В статье рассматривается проблематика суверенитета современных государств в контексте политической конъюнктуры начала XXI века. Автор с правовой точки зрения анализирует проблему ограничения национальной конституционной идентичности государств со стороны наднациональных межгосударственных объединений и проблематику вмешательства одних государств во внутренние дела иных государств в качестве актуальных тенденций в сфере межгосударственного взаимодействия.

Материалы и методы. Теоретическую основу настоящей работы составляют представления немецкого правоведа Р. Иеринга о соотношении объективного права и субъективного права, а также об условиях, обеспечение которых необходимо для существования правопорядка как такового. Эмпирическая основа настоящего исследования представлена действующим нормативным правовым регулированием Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, а также законодательными инициативами, рассматриваемыми в настоящее время в Конгрессе Соединенных Штатов Америки. Методологическую основу работы составляют такие методы, как формально-логический метод, метод системного анализа, структурно-функциональный метод.

Результаты исследования. В статье на основании анализа современных тенденций в сфере межгосударственного взаимодействия, в том числе в результате рассмотрения отдельных внутривнутриполитических решений, принятых в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки, приводится вывод относительно того, что функционирование системы международного сотрудничества невозможно без принятия государствами мер, направленных на обеспечение суверенитета, адекватных нарушению межгосударственными объединениями принципа конституционной идентичности государства, а также вторжению государств во внутренние дела иных государств.

Обсуждение и заключение. Вторжение межгосударственных объединений в сферу национальной конституционной идентичности государств и последовательное вмешательство государств во внутренние дела иных государств представляют собой категорически неприемлемую

* **Клишас Андрей Александрович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и государства РУДН, научный руководитель Юридического института РУДН, Председатель Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству.
e-mail: klishas_aa@pfur.ru
ORCID ID: 0000-0002-3472-4926

с позиции международного права практику, препятствующую построению международного взаимодействия на началах консенсуса и взаимовыгодности, а также нивелирующую эффективность межгосударственного сотрудничества.

Известнейший немецкий теоретик права Рудольф фон Иеринг в своей работе «Борьба за право» сформировал концепт того, что собственно борьба за право – как последовательность действий субъекта, направленных на защиту своего субъективного права, – является его обязанностью по отношению к самому себе, а вместе с тем, и обязанностью по отношению ко всему обществу в контексте ценности объективного права, которым определяется субъективное право¹. Из выстроенной Р. Иерингом концепции следует, что борьба за право в объективном смысле, опосредованная борьбой за субъективное право, – есть условие существования правопорядка как такового, в том числе на наднациональном уровне. Материальным основанием такой борьбы, в свою очередь, является «нетерпимость беззакония»².

Борьба за право в его объективном проявлении опосредует автономию реализации субъективных прав как отдельными индивидуальными акторами, так и государством, так или иначе выражающим через парламент посредством демократических процедур консолидированную волю народа, суть которой

[автономии реализации субъективных прав] составляет суверенитет как таковой.

Проблематика суверенитета является предметом различных общественных наук – правовых, политических, исторических, социальных.

В теории права суверенитет как категория предполагает абстрактную автономию воли определенного субъекта – условную или безусловную безотносительность его действий воли иных субъектов, воплощением чего являются как автономия личности, так и суверенитет государства, а также более узкие проявления – как, к примеру, автономия воли сторон в частноправовых отношениях.

В наиболее общем смысле суверенитет политико-территориального образования предполагает возможность и способность публичной политической власти, действующей на территории данного политико-территориального образования, осуществлять власть без вмешательства какой-либо власти, действующей за пределами данного образования. То есть – суверенитет как конституционная характеристика государства определяется конкретным качеством публич-

¹ Цит. по Иеринг Р.: «Борьба за право есть долг каждого правообладателя по отношению к самому себе. Ограждение собственного существования есть высочайший закон всего живущего; влечение к самосохранению проявляется в каждом живом существе. Но у человека этот закон является не только условием физической жизни, но и его нравственного существования, – условие же нравственного существования есть право. В праве ограждает и отстаивает человек условие своего существования – без права опускается он на степень животного, поэтому Римляне совершенно последовательно смотрели на рабов с точки зрения абстрактного права, ставя их наравне с животными. [...] Ограждение права есть в то же время долг по отношению к обществу. [...] Чтобы доказать это, мне необходимо представить, какое отношение имеет право в объективном смысле к праву в субъективном смысле: в чем оно состоит? Я полагаю, что я совершенно верно передам существующее (ходячее) представление, если скажу: в том, что первое предполагает второе; конкретное право, находится только там, где представляются условия, при которых абстрактное правовое положение дает бытие конкретному. Этим взаимные отношения обоих, по господствующему учению, совершенно исчерпываются» [2].

² Цит. по Иеринг Р.: «Обращаюсь к борьбе за субъективное, или конкретное, право. Она вызывается нарушением или захватом последнего. Так как никакое право, – ни право индивидов, ни право народов, – не гарантировано от этой опасности, – потому что интересу управомоченного в сохранении права всегда противостоит интерес другого в неуважении этого права, – то отсюда вытекает, что борьба эта повторяется во всех сферах права: в низинах частного права так же, как и на высотах права государственного и международного. Международно-правовое отстаивание нарушенного права в форме войны, – сопротивление народа в форме восстания, бунта, революции актам произвола, нарушениям конституции со стороны государственной власти, – самоуправное осуществление частного права в форм так наз. суда Линча, кулачного и военного права средних веков и последний его отпрыск в наше время: дуэль, – самозащита в форме необходимой обороны, – и, наконец, урегулированный способ защиты своего права в форме гражданского процесса, – все эти способы, несмотря на все различие в объекте спора и в риске, в формах и размерах борьбы, суть не что иное, как формы и проявления одной и той же борьбы за право» [3].

ной политической власти³ – ее возможностью и способностью данную власть осуществлять без вмешательства каких-либо иных властей. Отсюда – суверенитет государства есть возможность и способность политической власти конкретного государства осуществлять эту самую власть на его территории без вмешательства каких-либо властей, действующих за пределами данного государства.

Легальнокатегория суверенитета находит отражение во многих нормативных правовых актах, которыми как определяются ценности и цели различных форм реализации суверенитета, так и закрепляются пределы реализации данных форм (пространственные, субъектные, предметно-юрисдикционные)^{4,5}.

К сожалению, суверенитет по нынешним временам стал очень «дорогой» характеристикой государства как формы человеческого общежития. Многие государства, реализующие суверенную политику, вынуждены

за это расплачиваться, претерпевая политическое, экономическое – в том числе санкционное давление. Мы наблюдаем на современной международной арене крайне незначительное число государств, по-настоящему обладающих суверенитетом. А.А. Кокошин, размышляя о суверенитете, именует утратившие его государства «несостоявшимися» государствами («failed states»)⁶. По сути, деградация государственного суверенитета является прямым следствием эрозии объективного права как такового (и в инструментальном, и в ценностном измерениях), эрозии международного правового порядка.

Политико-правовая составляющая государственного суверенитета, наравне с тем, что суверенитет реализуется органами публичной власти от имени граждан и в обеспечение их прав и свобод⁷, содержит в себе императивное требование по принятию публичной властью всех возможных мер, направленных

³ Под публичной политической властью следует понимать основанную на законе возможность и способность установленного законом круга субъектов осуществлять политическое управление на конкретно-определенной территории в том числе с законным применением насилия и вопреки воле населения в рамках установленных законом пределов противоречия данной воле.

Под политическим элементом при определении публичной политической власти понимается осуществление власти через представительство: «... по общему правилу политическая власть в стране – это власть народа, который на выборах, референдумах решает, каким партиям или лицам вручить осуществление власти. Это, по существу, временное делегирование полномочий при сохранении политической власти у народа...». Под публичным элементом следует понимать осуществление власти территориальным публичным коллективом в общих интересах лиц, его составляющих [6].

⁴ Так, Декларация СНГ РСФСР от 12.06.1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» определяет суверенитет РСФСР как естественное и необходимое условие существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции. Кроме того, Декларацией определяется, что государственный суверенитет РСФСР провозглашается во имя высших целей – обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу – на самоопределение в избранных им национально – государственных и национально-культурных формах. В пункте 5 декларации отражены такие архиважные элементы суверенитета, как полнота власти, верховенство Конституции и законодательства, субсидиарный характер наднациональных органов // Ведомости СНГ и ВС РСФСР, 1990, № 2, ст. 22.

Пунктом 42 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации») защита суверенитета определена в качестве стратегической цели государственной и общественной безопасности // СЗ РФ. 04.01.2016. № 1 (часть II). ст. 212.

⁵ Говоря, к примеру, о пространственных пределах суверенитета, можно указать на норму части 1 статьи 1 Воздушного кодекса Российской Федерации, которая определяет, что Россия обладает полным и исключительным суверенитетом в отношении воздушного пространства Российской Федерации. / СЗ РФ. 24.03.1997 г. № 12. Ст. 1383.

⁶ Цит. по Кокошин А.А.: «Многие из этих государств, обладая полным набором признаков формального суверенитета, входят в категорию несостоявшихся государств (failed states), неспособных на своей территории, над которой они призваны осуществлять суверенитет, обеспечить экономический рост, политическую стабильность, соблюдение норм права, решение острейших социальных проблем, политическое управление со стороны центральной власти» [5].

⁷ Вне зависимости от того, кто в соответствии с юридической составляющей суверенитета является его носителем – народ, парламент или монарх, ведь иное (непринятие в расчет необходимости обеспечения прав и свобод человека и гражданина) означало бы формирование «спящей» угрозы для лиц, замещающих публично-властные должности, – в случае, когда носителем суверенитета признается народ или парламент (вследствие того, что при неудовлетворенности электората конкретными решениями вышеуказанные лица принимают на себя риск не быть избранными в последующих избирательных циклах), и для государства вообще – в случае, когда носителем суверенитета является монарх (ввиду того, что отсутствие возможности

на создание условий для различных форм проявления суверенитета. Обеспечение таких условий является также необходимым в ситуации, когда большинство граждан могут еще не осознавать угрозы «вторжения» во внутренние дела государства, но, при этом, когда такая угроза является реальной.

Таким образом, обеспечение условий реализации различных форм суверенитета опосредовано самим объективным правовым порядком, обязанность государства по обеспечению которого как на национальном, так и на международном уровнях *de lege lata* постулируется большинством современных конституций.

Безусловно, защита государственного суверенитета так или иначе является предметом деятельности существенного числа органов публичной власти, однако особое значение в этом вопросе приобретают мероприятия, реализуемые парламентом как представительным выразителем воли народа, задачей которого в рассматриваемой сфере является обеспечение создания необходимого правового инструментария для принятия соответствующих мер, и органами конституционного контроля, призванными сохранять национальную конституционную идентичность государства посредством раскрытия юридических формул, содержащихся в конституциях, и догматизации их конституционно-правового содержания.

В данном контексте необходимо указать на ряд конкретных примеров мер по сохранению государственного суверенитета, уже принятых или планирующихся к принятию некоторыми государствами.

В числе законодательных нововведений, принятых с целью препятствования зарубежной «экспансии» во внутреннюю политику

Российской Федерации, а, равно с этим, с целью упреждения «размытия» конституционной идентичности государства со стороны международных субсидиарных органов по защите прав человека, следует выделить предоставление Конституционному Суду Российской Федерации полномочия по определению исполнимости решений надгосударственного органа по защите прав человека, т.н. закон о юрисдикционных иммунитетах, изменение законодательства о некоммерческих организациях. Так, особенно своевременным является предоставление Конституционному Суду Российской Федерации полномочия по определению исполнимости решений межгосударственного органа по защите прав человека, ведь в последнее время все чаще начали предприниматься попытки изъять из национальной юрисдикции решение отдельных правовых вопросов, когда разрешение таковых исходя из поставленных вопросов права диссонирует с субсидиарным характером таких органов. Сфера защиты прав человека является предметом контроля со стороны межгосударственных органов в рамках исполнения международных обязательств, благодаря чему, безусловно, удалось существенно повысить уровень защищенности прав человека во многих государствах, в том числе и в России. Однако впоследствии межгосударственные органы фактически стали определять содержание прав и свобод в противоречие национальной конституционной идентичности государств, что является совершенно недопустимым⁸. Именно для противодействия таким «произвольным» решениям надгосударственных органов по правам человека Конституционному Суду Российской Федерации и было предоставлено указанное полномочие.

правомерного отрешения монарха от должности народом, как правило, приводит к нарастанию гражданских волнений и внутригосударственному насильственному противодействию одних социальных групп другим). В этом же контексте необходимо отметить, что основной, базовой целью существования государства является обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина, что опосредует обязанность органов публичной политической власти соотносить свои решения с такой целью, при этом, для принятия соответствующих мер государство непременно должно быть суверенным, так как в противном случае публичная политическая власть будет существенно стеснена в принятии необходимых решений интересами (волей) иностранных государств.

⁸ Наиболее ярким примером, иллюстрирующим чрезмерное участие надгосударственных органов в вопросах, связанных с обеспечением прав человека на территории конкретного государства, является ситуация, сложившаяся в отношениях Суда Европейского союза и национальных органов конституционного контроля государств-членов Европейского союза. Так, к примеру, А.С. Исполинов указывает, что «... история Евро-союза знает немало примеров многолетнего сопротивления государств решениям Суда Европейского союза. Так, например, в 1990 году Суд ЕС признал не соответствующим праву ЕС отказ Франции сохранять социальные выплаты пенсионеру, переехавшему в Италию. Франция отказалась исполнять это, по ее мнению, несправедливое решение, и конфликт был решен только после того, как Франции удалось убедить остальные страны ЕС принять необходимые ей изменения в Регламент, регулирующий такие выплаты, сделав тем самым исполнение решения Суда бессмысленным. Другое противостояние Франции с Судом Европейского союза продолжалось более 14(!) лет и закончилось не так благополучно. За открытый и упорный отказ

При этом справедливым будет отметить, что Российская Федерация, конечно же, не отказывается от принятых на себя международных обязательств, и, как это неоднократно отмечалось Конституционным Судом Российской Федерации, внимательно относится к позициям, выражаемым межгосударственными органами по защите прав человека, ориентирована на установление диалога по вопросу о стандартах обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Закон о юрисдикционных иммунитетах, установивший возможность применения принципа взаимности в ответ на недоброжелательные действия зарубежных государств, также является определенным достижением национальной правовой системы. Указанный принцип предполагает, что суды при принятии решения об ограничении юрисдикционного иммунитета иностранного государства и имущества такого государства правомочны исходить из того же объема юрисдикционного иммунитета, каким Россия пользуется в соответствующем государстве.

Рассматривая вопрос об иностранном финансировании деятельности «институтов гражданского общества», следует отметить, что роль некоммерческих организаций (НКО) за последние годы претерпела существенные изменения. Наличие специального регулирования в отношении НКО по сравнению с иными видами юридических лиц, ограничения в контрольной деятельности органов публичной власти обуславливают широкое «использование» НКО в скрытой политической деятельности. Практика осуществления НКО политической деятельности, финансируемой из-за рубежа, крайне распространена. Такие организации аккумулируют существенные денежные потоки. НКО, которые получают финансирование из иностранных источников и участвуют в политической деятельности, признаются организациями, выполняющими функции иностранного агента, при этом из такого статуса следует ряд обязанностей, которые должны быть исполнены НКО с целью обеспечения транспарентности собственной деятельности, в первую очередь – перед обществом.

Однако регулирование деятельности иностранных агентов в Российской Федерации не является чем-то качественно новым. Схожее регулирование действует в Соединенных Штатах Америки с 1938 года. Так, в соответствии с §611 Закона «О регистрации иностранных агентов» (The Foreign Agents Registration Act) в США иностранными агентами могут являться как физические лица и их группы (без институционального объединения), так и объединения всех организационно-правовых форм (партнерства, корпорации, ассоциации и т. д.). Иностраным принципалом согласно §611 указанного закона могут быть как иностранные государства или иностранные политические партии, так и иностранные объединения всех организационно-правовых форм (партнерства, корпорации, ассоциации и т. д.), а также физические лица, если не установлено, что они являются гражданами США и не подпадают под юрисдикцию США, а также не имеют основного места деятельности в США. К иностранным агентам в США предъявляются следующие требования: обязанность регистрации в качестве иностранных агентов с указанием их имени (наименования), адреса, а также иностранного принципала, в интересах которого они действуют; любая литература или иная информация, распространяемая иностранными агентами, должна отмечаться в качестве таковой; иностранные агенты обязаны предоставлять подробный отчет о своей деятельности, в который должны быть включены сведения обо всех лоббистских контактах с представителями органов власти, сумме полученного вознаграждения и израсходованных средствах, а также о вопросах, обсуждаемых ими с законодательной властью.

В настоящее время на рассмотрении обеих палат Конгресса США находятся два законопроекта (H.R.2811 – Foreign Agents Registration Modernization and Enforcement Act и S.625 – Foreign Agents Registration Modernization and Enforcement Act) о внесении поправок в Закон «О регистрации иностранных агентов», тождественные по своему содержанию⁹. В качестве цели предлагаемого законопроекта регулирования определяет-

выполнять вынесенное в 1990 году решение по делу French Fisheries Суд ЕС впервые в своей практике применил к государству-нарушителю одновременно штраф (20 млн. евро) и пеню, размер которой потряс воображение – 57 761 250 [евро] за каждые полгода, но не с момента принятия решения Суда, которое не было исполнено, а с даты решения о применении санкций и до момента полного выполнения первоначального решения. По мнению Суда ЕС, штраф должен выполнять функцию по недопущению новых нарушений, а пеня должна побуждать к быстрому и полному исполнению первого решения, но не должна быть средством наказания» [4].

⁹ В соответствии с действующим в США регулированием законопроекты после того, как будут приняты обеими палатами Конгресса в идентичных формах (несмотря на то, что в настоящее время являются двумя разными

ся обеспечение сохранения беспристрастности и объективности американских выборов посредством предоставления Генеральному прокурору возможности использования ряда правовых инструментов для выявления иностранных агентов, которые предпринимают попытки обойти федеральные требования к регистрации иностранных агентов и незаконно оказать влияние на политический процесс. Проектом регулирования предусматривается расширение полномочий Генерального прокурора в части мер, предпринимаемых для выявления иностранных агентов, а также осуществления контроля за их деятельностью, включая возможность самостоятельного досудебного истребования документов у любого лица при отсутствии конкретного перечня оснований для предъявления требования о предоставлении документов, а также установление и взимание регистрационных взносов.

Кроме того, в связи с тем, что само по себе декларируемое властями США предполагаемое вмешательство граждан России и российских структур в выборы Президента США 2016 года вызвало широкий общественный резонанс, что вызвало необходимость всестороннего рассмотрения соответствующих фактов, в США предлагаются и иные инициативы, направленные на обеспечение суверенитета государства.

В частности, в настоящее время на рассмотрении Сената Конгресса США находится законопроект предполагающий учреждение комиссии для рассмотрения фактов, касающихся официальных и неофициальных российских кибернетических операций и других попыток вмешательства в национальные выборы США 2016 года и для других целей (S.27 – A bill to establish an independent commission to examine and report on the facts re-garding the extent of Russian official and unofficial cyber operations and other attempts to interfere in the 2016 United States national election, and for other purposes).

Законопроект предполагает учреждение независимой комиссии по пресечению вмешательства России в выборы в США, которая должна рассмотреть и проверить попытки российского правительства и иных организаций, прямо или косвенно связанных с Россией или российскими физическими и юридическими лицами, вмешательства в избирательный процесс в США. Задачами

указанной комиссии являются установление фактов получения доступа, изменения или иного вмешательства в электронные системы голосования в рамках выборов Президента США в 2016 году, а также в рамках выборов в Конгресс, выборов губернаторов и выборов в легислатуры штатов; установление фактов способствования пропаганде, имеющей отношение к любым выборам на выборную должность, в рамках выборов в США в 2016 году; установление и проверка использования электронных средств с целью влияния на результаты выборов, а, равно с этим, с целью формирования недоверия к результатам выборов.

Несмотря на то, что США принимается широкий комплекс мер, направленных на противодействие иностранному вмешательству, действия самих США имеют характер откровенного вторжения во внутривнутриполитические вопросы иностранных государств. США проводится последовательная политика по реализации собственных интересов во внутривнутригосударственных делах ряда зарубежных стран – соответствующие действия со стороны США предпринимаются как в рамках обеспечения финансирования активности «институтов гражданского общества», единственной целью которых является дестабилизация политической обстановки, так и посредством иных прямых и косвенных инструментов воздействия. В тех же случаях, когда государство обеспечивает безопасность своего внутривнутриполитического развития, США заявляют о нарушении демократических принципов при претворении тех или иных политико-правовых решений.

Так, к примеру, значительный объем финансирования внешнеполитических «проектов» США осуществляется Агентством США по международному развитию (АМР). Что примечательно, на официальном сайте АМР указывается, что основная деятельность в европейском и евроазиатском регионах реализуется в следующих 5 государствах: Украина, Грузия, Босния и Герцеговина, Косово, Армения. Во всех приведенных государствах политическая обстановка в настоящее время является в различной степени нестабильной, что, вероятно, также является следствием предоставления необходимого финансирования «оппозиционным» силам со стороны АМР. Общий объем предоставленных денежных средств указанным 5 государствам с 2011

законопроектами), будут объединены в один (после того, как палаты Конгресса согласуют их в окончательном виде, в том числе после принятия поправок, и «доведены до окончательной редакции») и направлены для последующего утверждения Президенту США.

года по 2015 год составляет 1 532 800 000 \$. В период с 2013 года (в который начались протестные выступления в Украине, ставшие причиной внутрисударственного конфликта, неурегулированного по настоящий момент) по 2015 год АМР на реализацию различных программ на территории Украины было направлено 66,5 миллионов \$, в частности на деятельность по развитию гражданского общества в Украине было направлено 27,3 миллиона \$, на деятельность, ориентированную на развитие политической конкуренции и достижение политического консенсуса, – 12,7 миллионов \$.

Большое влияние на дестабилизацию политической ситуации оказывают и неправительственные некоммерческие организации США. Группа, созданных Джоржем Соросом некоммерческих организаций «Открытое общество», в которую входит осуществляющий деятельность на территории Украины Международный фонд «Возрождение», оказали существенную поддержку «протестному» движению в Украине. Как указано на официальном сайте группы «Открытое общество»: «Международный фонд «Возрождение» сыграл важную роль в поддержке гражданского общества во время протестов Евромайдана. Фонд обеспечивал доступность юридической помощи для гражданских активистов, протестующих и журналистов в период кризиса; предоставлял медицинскую помощь жертвам насилия; поддерживал солидарность и организацию гражданского общества; поддерживал каналы, такие как «Громадське ТВ» в проведении независимых репортажей в прямом эфире о событиях на Майдане и документировал случаи пыток, избиений, и злоупотреблений полномочиями полицейскими и судом». Еще одна неправительственная некоммерческая организация США – Фонд Макартуров, осуществлявшая деятельность в том числе в России, в период с 2008 по 2012 год предоставила российским грантополучателям 7,6 миллионов \$ на реализацию различных проектов в сфере «создания эффективных механизмов защиты основных прав в России». В рамках указанных проектов грантополучателями было получено финансирование, в частности, на «развитие гражданской активности неправительственных организаций и повышение их профессионализма в вопросах защиты прав своих целевых групп», «оказание юридической помощи российским НКО и обеспечение профессионального роста этих организаций».

США, помимо прочего, оказывают активное внеэкономическое воздействие на го-

сударства Латинской Америки. Так, 8 марта 2015 года Президентом США были введены ограничительные меры в отношении ряда публичных служащих Боливарианской Республики Венесуэла. Введение таких ограничительных мер было обусловлено «угрозой национальной безопасности Соединенных Штатов Америки», вызванной «ситуацией с нарушением прав человека в Венесуэле, преследованием со стороны правительства политических оппонентов, ограничением свободы деятельности средств массовой информации, применением насилия в ответ на антиправительственные выступления, осуществлением произвольных задержаний протестующих, распространением коррупции в сфере публичного управления» (Executive Order 13692 of March 8, 2015). 18 мая 2017 года санкции были распространены также на судей Конституционной палаты Верховного Суда Венесуэлы, принимающих участие в разрешении политических противоречий между Президентом Венесуэлы и Парламентом этого государства.

Принцип невмешательства во внутренние дела государств относится к императивным нормам международного права (нормам *jus cogens*). К сожалению, современные подходы ряда западных государств, включая США, его существенным образом девальвируют. Такая девальвация принципа невмешательства порой приобретает формы невоенной интервенции и торговли суверенитетом, что явно видно на примере ряда стран Европы, утративших национальную конституционную идентичность как таковую. Несмотря на продолжающуюся «борьбу» национальных органов конституционного контроля с все увеличивающим свое влияние на правовые системы государств-членов ЕС Суда Европейского союза, результат такого правового противодействия уже можно представить, и складывается он отнюдь не в пользу национальной конституционной идентичности государств.

Принцип невмешательства – как действующий *erga omnes* постулат – призван гарантировать обеспечение безопасного внутривнутриполитического развития суверенных государств. Этот принцип противопоставляется «принципу силы», применение которого немислимо в глобальном правовом порядке.

Вместе с тем, национальный правовой порядок представляет собой результат борьбы за право в объективном проявлении, которая [борьба за право], в свою очередь, обуславливает международный правовой порядок, производный от национального. Коль скоро

фактически борьба за государственный суверенитет, реализуемая посредством предотвращения различных форм вмешательства во внутренние дела, в настоящее время является собой борьбу за объективное право, за международный правовой порядок как таковой, изложенное актуализирует вопрос о юридических формах обеспечения государственного суверенитета.

Международный диалог в глобальных отношениях, основой которого является многополярный мир, предполагающий отсутствие доминирования одного государства или группы государств с единой позицией, невозможен между государствами, суверенитет которых *de facto* ограничен. Несмотря на это, некоторыми государствами, как это показано выше, игнорируются требования конструктивного межгосударственного взаимодействия как объективной необходимости для обеспечения международного правового порядка.

Примечательно, что США также реализуют нормотворческие решения, направленные на создание возможности применения национального законодательства, в том числе ограничивающего права иностранных лиц по экстерриториальному принципу. Так, одним из выражений модели экстерриториального применения положений законодательства явилось принятие в 2010 году Конгрессом США Акта о налогообложении иностранных счетов (Foreign Account Tax Compliance Act), ставящего целью минимизацию уклонения от уплаты налогов, *de facto* возлагающего обязанности налоговых агентов на банки, не осуществляющие деятельность на территории США. Другим американским законом, обладающим экстерриториальным характером, является принятый также в 2010 году Акт Додда-Франка (Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act), целями которого являются усиление защиты прав потребителей, повышение прозрачности внебиржевого рынка производных финансовых инструментов, создание контрольно-надзорной системы, направленной на снижение рисков при совершении операций на финансовом рынке, распространяющий действие на лиц, вовлеченных в отношения с контрагентами, национальностью которых являются США, или иными контрагентами, подпадающими под критерии, определяемые Актом-Додда Франка. Принятый в 2001 году, ранее действовавший в США (до 1 июня 2015 года), ставший реакцией на события 11 сентября 2001 года, так называемый Патриотический Акт (Uniting and Strengthening America

by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act), также исходил из экстерриториального принципа действия в некоторых из аспектов регулирования.

Иным проявлением экстерриториального действия американского закона является одобрение Верховным Судом США 28 апреля 2016 года поправок к Федеральным правилам производства по уголовным делам (The Federal Rules of Criminal Procedure), в частности, поправок в правила 4, 41 и 45, допускающих, в том числе, возможность принятия судами решений о санкционировании доступа к компьютерам, находящимся за пределами США, целью чего, по мнению Министерства юстиции США, является борьба со злоупотреблениями, связанными с использованием технологических решений для цели сокрытия личности в телекоммуникационных сетях. Поправки к Правилу 41 Федеральных правил производства по уголовным делам предусматривают, что по запросу уполномоченного лица федеральных правоохранительных органов (*federal law enforcement officer*) или прокурора (*attorney for the government*) магистратские судьи, осуществляющие правосудие в любом районе, правомочны выдавать ордер (*warrant*) на получение удаленного доступа к электронным носителям информации или изготовлению копий данных, содержащихся на них, расположенным [электронным носителям информации] за пределами района, где они [магистратские судьи] осуществляют правосудие, в случаях, когда имеет место совершение преступлений. Действие такого правила не ограничивается территорией США, что предполагает возможность экстерриториального обыска любого компьютера в мире.

Американский подход к принципу экстерриториальности действия права является не чем иным, как выходом Соединенных Штатов Америки за пределы собственного суверенитета при осуществлении государственной политики, что корреспондирует нарушению суверенитета других государств, а также нарушению прав и законных интересов лиц, не находящихся в какой-либо правовой связи с США.

В этом же контексте совершенно несоотнесимой с моделью конструктивного международного взаимодействия представляется практика введения односторонних ограничительных мер (санкций), противоречащая основам международного правопорядка как нарушающая принцип суверенитета и тем самым подрывающая основу для устойчи-

вого развития государств, в отношении которых вводятся ограничительные меры, как правило, носящие исключительно политический характер. В Докладе ООН 2015 года отмечается, что, «подписав в 1975 году Хельсинкский заключительный акт, государства обязались отказаться от экономического или другого принуждения, направленного на то, чтобы подчинить своим собственным интересам осуществление другим государством-участником прав, присущих его суверенитету ... Однако на практике получилось иначе, и односторонние принудительные меры вновь стали применяться против развивающихся стран, а затем последовала очередная эскалация, вызванная, в частности, напряженностью между Западом и Российской Федерацией в связи с ситуацией в Крыму и в Восточной Украине».

Подытоживая изложенное, необходимо отметить, что в современной международ-

ной политике борьба каждого государства за собственный суверенитет является ключевым условием для построения мирового порядка на основе консенсуса и взаимоуважения всех участников отношений, ориентированности каждого из них на наибольшую эффективность сотрудничества для каждого, достижения результата «игры с ненулевой суммой».

Конституция Российской Федерации как политико-правовой акт, *de lege ferenda* обладающий перспективным характером действия, постулирует обязанность государства вести борьбу за объективное право как ценность, имманентную сбалансированной модели мироустройства, одним из ключевых элементов которого является суверенитет государств. Возвращаясь к поднятой в конце XIX века Р. Иерингом проблематике, борьба за право – это то, без чего немислим мировой правовой порядок.

Литература:

1. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. Монография. М., 2013.
2. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1874.
3. Иеринг Р. Борьба за право. СПб., 1912.
4. Исполинов А.С. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1.
5. Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2006.
6. Чиркин В.Е. Конституционная терминология: монография. М., 2013.

FROM STRUGGLE FOR LAW TO STRUGGLE FOR SOVEREIGNTY

Introduction. *The article deals with the problems of sovereignty of modern states in the context of political confrontation at the beginning of the 21st century. The author performs a legal analysis of the issue of a state's constitutional identity limitation by supranational interstate associations and the issue of interference of some states in the*

affairs of others as a modern trend of interstate communication.

Materials and methods. *The theoretical basis of the research is the views of the German jurist R. Ihering on the correlation of objective law and subjective law, as well as on the conditions that are necessary for the existence of the rule of law. The*

¹⁰ Так, размышляя о правовой ответственности перед будущими поколениями, В.Д. Зорькин справедливо указывает на положения Преамбулы Конституции Российской Федерации как на правовой посыл, означающий «обязанность ныне живущих россиян сохранить, приумножить и передать будущим поколениям свое историческое наследство». «А такая обязанность, – указывает В.Д. Зорькин, определяя будущие поколения в качестве самостоятельного субъекта конституционно-правовых отношений, – в конечном счете предполагает, что все конституционно-правовое развитие России должно быть выстроено для обеспечения надлежащих условий жизни и нормального развития будущих поколений». Цит. по Зорькин В.Д.: «Именно такой правовой смысл, изначально заложенный в Конституции, но до недавнего времени не вполне проясненный, сегодня становится все более актуальным и востребованным, вынося на повестку дня вопрос о появлении такого нового субъекта конституционно-правовых отношений, как будущие поколения россиян. Сегодня мы еще очень расплывчато представляем этого нового субъекта права. Из данного принципа логически вытекает конституционная ответственность каждого настоящего поколения перед будущими за создание долгосрочных условий устойчивого развития...» 1.

empirical basis of the research is represented by the current legal regulation of the Russian Federation and the United States of America, as well as by legislative initiatives being under consideration in the Congress of the United States of America. The methodological basis of the research is the formal logical method, the method of system analysis, structural and functional method.

Results. *On the basis of the analysis of modern trends in the interstate interaction and after consideration of individual domestic political decisions taken in the Russian Federation and the United States of America the author concludes, that the international cooperation is impossible without adopting sovereignty ensuring government measures which measure up both to the violation of the state's constitutional identity by interstate associations and to the interference of states into the internal affairs of others.*

Discussion and conclusion. *Interference of interstate associations in a state's constitutional identity and states' consistent interference in the internal affairs of other states are an absolutely unacceptable practice from the standpoint of international law. Such a practice prevents the construction of international cooperation on the basis of consensus and mutual respect and brings to naught the effectiveness of interstate cooperation.*

Andrey Klishas,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory of Law
and State, RUDN University, Academic
Advisor of the Law Institute with RUDN
University, Head of the Constitutional
Legislation and State-Building Committee
of the Council of the Federation, Federal
Assembly of the Russian Federation.

Ключевые слова:

суверенитет, конституционная
идентичность, парламентаризм, принцип
невмешательства

Keywords:

sovereignty, constitutional identity,
parliamentarism, the principle of non-
intervention

References:

1. Zorkin, V.D., 2013. Pravo v usloviyah global'nyh peremen. Mono-grafiya [The Law in the Context of Sea Changes. Monograph]. Moscow.
2. Jhering, R., 1874. Bor'ba za pravo [The Struggle for Law]. Moscow.
3. Jhering, R., 1912. Bor'ba za pravo [The Struggle for Law]. Saint-Peterburg.
4. Ispolinov, A.S., 2017. Ispolnenie reshenij mezhdunarodnyh sudov: teoriya i praktika [Compliance with the judgements of international courts: theory and practice]. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International Justice]*. № 1.
5. Kokoshin, A.A., 2006. Real'nyj suverenitet v sovremennoj miro-po-liticheskoj sisteme [The Valid Sovereignty in Modern World-Wide System]. Moscow.
6. Chirkin, V.E., 2013. Konstitucionnaya terminologiya: monografiya [The Constitutional Terminology: Monograph]. Moscow.